

На правах рукописи

ГАЛИМОВА МОХИНУР БАРОТОВНА

**И.А. КРЫЛОВ И ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(проблемы перевода его басен на таджикский язык)**

**Специальность: 10.01.08 – Теория литературы.
Текстология**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2021

Работа выполнена на кафедре иностранных языков Таджикского государственного института культуры и искусств имени М. Турсунзаде

Научный руководитель: Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой печатных СМИ и PR Межгосударственного образовательного учреждения «Российско-Таджикский (Славянский) университет».

Официальные оппоненты: Рустамова Гуландом Рустамовна, доктор филологических наук, профессор кафедры таджикского и русского языков Института туризма, предпринимательства и сервиса

Хамрокулова Зебунисо Усмоновна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры таджикского языка Технологического университета Таджикистана

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков имени С. Улугзода

Защита состоится «08» июня 2021 г. в 14.00 ч. на заседании Диссертационного совета Д 047.004.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21: www.iza.tj).

Автореферат разослан 29 апреля 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Дж. Дж. Мурувватиён

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В мире глобализационных процессов происходят существенные изменения в области литературных, культурных и других взаимоотношений и взаимовлияний между народами. Исключением не являются и таджикско-русские отношения в области литературоведения, в том, числе литературных взаимосвязей. Кроме того, эти народы всегда находились в тесной торгово-экономической, культурной связях, способствующие их развитию в названных областях.

Русско-таджикские литературные связи в течении длительного времени находились под особым вниманием ученых-литературоведов. Данная тема во все времена пользуется актуальностью. Предпочтение в изучении предоставленной проблемы принадлежит таджикским учёным, которые, прежде всего, заостряли внимание на историю русской литературы и её отражение в персидско-таджикских классических источниках.

Перевод; как одна из форм созидательного и культурного понятия ценностей иноязычной литературы и одновременно как нравственное явление, обнаруживает воздействие на личную культуру переводчика, то есть вхождение культуры одного народа в культуру другого, и эту связь осуществляет перевод. Перевод имеет в литературе давние традиции, и скорее всего он берет свои истоки с тех времен, когда ни литература, ни язык не были абсолютно сформированы.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется, прежде всего, ее малоизученностью и отсутствием работ подобного типа, анализирующих становление и развитие проблем переводов басен Крылова на таджикский язык.

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию вопросов творчества известного представителя русской классической литературы XVIII века, баснописца Ивана Андреевича Крылова и его взаимосвязи с литературой Востока и Запада; влиянию персидско-таджикской литературы и философской мысли корифеев Востока на просветительские, философские взгляды И. А. Крылова; исследованию творения этого мыслителя в таджикском литературоведении.

Отсюда вытекает своевременность исследования проблем перевода произведений И.А. Крылова, особенно его басен на таджикский язык. Невзирая на довольно длительный период изучения русско-таджикских литературных связей, особенно литературы современного периода, исследователи все еще сталкиваются с огромным количе-

ством нерешенных проблем в изучаемой области. В данном ракурсе исключительный интерес для таджикской литературной науки представляет интерпретация проблем и вопросов влияния русской литературы и конкретно – творчества Крылова на таджикскую литературу XIX- XX вв.

Таджикская версия переводов басен И. А. Крылова сыграла значимую роль в развитии переводческой сферы в таджикском литературоведении изучаемого периода. Следует отметить, что особое место занимают переводы, выполненные известными таджикскими переводчиками XX века: Х. Шодикуловым, Хикматом Рахматом, Абдусаломом Дехоти, Сухайли Джавхаризода, Мирсаидом Миршакармом, Бахромом Фирузом, Клавдией Улугзода, Мухиддином Аминзаде.

Исследование истории переводов произведений И. А. Крылова, особенно его басен, на таджикский язык, проблем и вопросов продуктивного влияния его творческого подхода на таджикскую прозу и поэзию, в основном сатирическую - своеобразный путь распространения его наследия в Таджикистане. Этапы и принципы творческого освоения опыта русского баснописца таджикскими литераторами представляет огромную научно-теоретическую и практическую значимость.

Цель и задачи исследования. В ходе вышеизложенных рассуждений вытекают основные цели и задачи представленной диссертационной работы, где главной целью исследования является выявление творческих связей деятельности И. Крылова с Востоком и Западом, установление степени влияния творчества писателя на мировую, а именно таджикскую литературу, а также трансляция басен литератора в духовно-эстетическую жизнь таджиков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- исследовать и сопоставить историю переводов басен И.А. Крылова на языки народов мира;
- охарактеризовать влияние идейного содержания басен И.А. Крылова на творчество таджикских поэтов и писателей XX века;
- установить степень воздействия персидской литературы на эстетические взгляды И.А. Крылова;
- проанализировать переводы произведений И.А. Крылова в изданиях на персидском и таджикском языках.

Объект исследования - особенности проблем переводов басен русского поэта, представителя русской классической литературы XVIII века И.А. Крылова на таджикский язык.

Предмет исследования - идейное содержание басен И.А. Крылова и их влияние на творчество таджикских литераторов XX века, эстетические взгляды И.А. Крылова и способы их передачи на таджикский язык.

Методы исследования. При выборе методов исследования учитывались специфика собранного материала и характер поставленных задач. В процессе исследования за основу были взяты текстологический и сравнительно-исторический методы, способствующие сопоставлению в историко-литературном контексте сходств и различий в интерпретации ряда важных мировоззренческих вопросов.

Для решения отдельных задач диссертации потребовалось использовать методы компонентного и сопоставительного анализов, а также методологические и общетеоретические выводы, сделанные в трудах Н. Конрада, Ю. Марра, В. Эбермана, П.И. Тартаковского, Л. Гроссмана, В. Самада, Х. Шодикулова, А. Сайфуллоева, А. Давронова, Ш. Муллоева, А. Аминова, М. Бадалова, Б. Рузикулова, Г. Рустамовой, Дж. Мурувватиён и других.

Степень научной разработанности темы. Исследование вопросов, касающихся литературных контактов России с народами Средней Азии, также с таджикским народом восходит, к началу XVIII века (золотой век перевода – Г.М.) и в конце XIX – начала XX вв. приобрело последующее развитие в русской ориенталистике. В научных трактатах русских ориенталистов таких как, Н. Конрад, В. Эберман, Ю. Марр, Е.Э. Бертельс, В.А. Гурко, В.А. Жуковский отражены базовые методологические аспекты исследования творческого наследия выдающихся мастеров слова персидско-таджикской прозы и поэзии - Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Абу Али ибн Сино и других. В советское и постсоветское время исследователи-литературоведы также уделяли особое внимание изучению проблем русско-таджикских литературных связей. Ими была проделана огромная работа по исследованию, анализу и сопоставлению произведений русских и восточных литераторов. В этот период были опубликованы ценные научные труды Л. Гроссмана, П.И. Тартаковского, Е. А. Илюшина, Е. Чельшева, А. Сайфуллоева, В. Самада, Х. Шодикулова, А. Давронова, Ш. Муллоева, М.Бадалова, А. Аминова, Х. Р. Холова, Б. Рахмонова, Г. Рустамова и

других, посвященные проблеме влияния персидско-таджикской литературы на творчество А.С.Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Н. Гумилева, С. Есенина.

Основными источниками исследования в работе являются творческое наследие литератора, а именно его басни, пьесы, рассказы, философские статьи и труды, а также переводы его басен на таджикский язык.

Труды И.А. Крылова по сей день недостаточно изучены и исследованы отечественными литературными критиками, учеными-исследователями. В данной научной работе основной упор делается на басни И.А. Крылова и их переводы. Основу исследования составляют труды таджикских переводчиков, таких как Х. Шодикулов, Х. Рахмат, А. Дехоти, В. Самад, К. Улугзода, Б. Фируз, Сухайли Джавхаризода, М.Миршакар, Б. Фируз, К. Улугзода, Мухиддин Аминзаде.

Для наиболее полного и всеобъемлющего раскрытия выбранной темы были использованы исторические, литературные, литературоведческие и философские источники различных эпох и времен на таджикском и русском языках, в том числе, исследование литературных и философских истоков мировоззрения И. А. Крылова, диваны и сборники персидско-таджикских и русских поэтов (в переводах на русский и таджикский языки). При оценке творчества И.А. Крылова и для определения нового значения идей писателя в современном мире были использованы монографии и научные труды русских и восточных литературных критиков, переводчиков, исследователей разных времен.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в современной таджикской литературе монографическому исследованию подвергается творчество И. А. Крылова, где особое внимание уделяется его басням. Также выявляется степень влияния персидской литературы на творчество и мировоззрение Крылова, ставшего проводником их гуманистических идей в русской литературе, а также влияние его творчества на таджикскую литературу XX-XXI веков и советскую таджикскую литературу в период прогрессивного развития таджикской литературы, особенно поэзии советского периода.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Персидско-таджикская литература сыграла важную роль в формировании мировоззренческих идей И.А. Крылова и яви-

лась основополагающим источником его художественного творчества.

2. Гуманистические идеи представителей персидско-таджикской литературы и других мыслителей, оказали значимое воздействие на формирование эстетических взглядов И.А. Крылова.
3. Персидско-таджикские мотивы произведений И.А. Крылова стали мостом взаимопроникновения культуры и литературы двух народов. Его труды и переводы произведений открыли новый рубеж в истории культурных связей России и Средней Азии.
4. Воздействие эстетических мыслей персидско-таджикских классиков на мировоззрение И.А. Крылова стало пропагандой гуманистических идей в русской литературе.
5. Воздействие творческого наследия И.А. Крылова на литературу разных народов поспособствовало их художественному обогащению, духовному развитию и многогранному совершенствованию.
6. Для совершенствования переводческого мастерства в Таджикистане в области художественного перевода произведений И.А. Крылова необходимо оптимизировать процесс изучения творческого наследия русского классика в целом.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы диссертации в дальнейшем могут применяться на практике; при подготовке вводного курса по истории русско-таджикских литературных связей; при чтении общих и специальных лекционных курсов (на факультативных занятиях и семинарах) для студентов и аспирантов по истории литературы и по литературоведению. Выводы, сделанные в работе, также могут быть полезны при написании диссертационных, дипломных, курсовых и реферативных работ соискателями и студентами филологических специальностей высших учебных заведений. Основные положения диссертации вносят значимый вклад в изучение крыловского наследия и могут содействовать для продолжения научно-исследовательской работы по изучению таких вопросов, как взаимовлияние русской, персидской и таджикской литературы на творчество И.А. Крылова и трудов писателя на литературу народов мира.

Личный вклад диссертанта состоит в участии в обсуждении цели и задач исследования, получении и обсуждении результатов, изло-

женных в диссертации, в формулировке ее основных положений и выводов, опубликовании полученных результатов. Автором лично проведена обработка, анализ и систематизация полученного материала.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует специальности 10.01.08-Теория литературы. Текстология. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 9 – Изучение стиховой культуры; 10 – Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности; 12 – Дальнейшее изучение школ и методик литературоведения.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном совместном заседании кафедр иностранных языков и филологии Таджикского государственного института культуры и искусств имени М. Турсунзаде от 06.01.2021 г. (протокол заседания № 5).

Основные положения и результаты исследования излагались автором в 5 научных статьях, изданных в журналах, зарегистрированных в перечне ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура и объем диссертации соответствует основным целям и задачам исследования. Она состоит из введения, двух глав, заключения и перечня библиографических источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определяется объект исследования, обосновываются выбор темы исследования, её актуальность, также определяются цель и задачи диссертационной работы, её научная новизна, излагаются используемые методы исследования, характеризуются теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования, указывается структура диссертации.

Глава I «Предпосылки возникновения русско-таджикских литературных связей» подразделяется на два раздела.

Раздел 1.1. «Политические и социально-культурные взаимоотношения России и Средней Азии в XVIII веке» посвящается материалам, где излагаются исторические факты, раскрывающие первоначальные взаимоотношения России и Средней Азии в XVIII веке и особенно русско-таджикским политическим и социально-культурным отношениям. Приводятся имеющиеся конкретные факты, ярко описывающие события, демонстрирующие довольно тесные контакты между народами России и Средней Азии.

В данном разделе подробно описывается социально-экономическое состояние народов Средней Азии в момент присоединения к Царской России.

В работе диссертант отмечает, что, вне всякого сомнения, взаимосвязь между Россией и странами Востока на почве такого важного сегмента культуры, как литература, являло собой феномен, отвечающий поступательным процессам общемирового значения. Именно в это время многие сюжеты народного героического эпоса, лучшие образцы персидско-таджикской лирики и литературы, ставшие популярными на Западе, проникли в устное и письменное творчество славянских народов. Первоначально образцы персидско-таджикской литературы и поэзии являлись взору русского читателя опосредовано, то есть переводились с ведущих западноевропейских языков. В результате двойного перевода оригинал заметно искажался, утрачивая неповторимое звучание, вложенное в него автором. В первой половине XIX века появились прямые переводы, осуществленные непосредственно с оригинала на русский язык в таких русскоязычных изданиях как: «Азиатский вестник», «Полярная звезда», «Современник», «Мнемозина», «Пчела», «Вестник Ев-

ропы», «Московский наблюдатель», «Русская мысль» и др., это непременно благоприятно сказалось на освоении культурного наследия мира Востока и сближение литературы.

В первой главе основной упор делается на те, научные изыскания, которые непосредственно имели отношение вопросам литературных связей, и обобщаются высказывания с научной точки зрения.

Первым, кто благодаря своим прямым переводам построил мост между восточной и русской литературой, открыл для русского читателя художественный мир Востока, познакомил со многими восточными мастерами слова, был Осип Иванович Сенковский.

По мнению автора, восточные мотивы ярко проявлялись в творчестве мастеров слова русской литературы, в том числе и у И. А. Крылова и многих других, что, несомненно, сыграло значительную роль в развитии всей русской поэзии.

Тут автор уместно подчеркнул влияние персидской литературы на творчество И.А. Крылова. Поэт использовал в своих баснях сюжеты персидско-таджикских рассказов и латифы (через Ж. Лафонтена и Эзопа).

Во второй части «Гулистана» в 62 рассказе Саади пишет об алчности и эгоизме:

«Душмантарини душманихоят нафси туст, ки дар синаи туст». [11, с. 132]. т.е. автор хочет сказать, что злейший враг человека - это его алчность.

Следует отметить, что и в баснях Крылова («Бедный и Богач», «Скупой и Курица», «Фартуна и Нищий») тоже широко распространена данная тема.

В первых же строках басни «Скупой и Курица» Крылов преподносит мораль басни:

«Скупой теряет всё, желая всё достать» [5, с. 142].

Несомненно, Крылов был знаком с восточной культурой и литературой, ему были знакомы исторические и культурные события, книги и статьи, где упоминались поэты Востока и доказательством этого является его работа в журналах, в частности в «Почте духов». Влияние восточных мотивов на мировоззрение И.А. Крылова можно оценить косвенно.

В свое время А.С. Пушкин был одурманен Востоком. В «Евгении Онегине» встречаются строки, упоминающие имя Саади, которые, по мнению диссертанта, придают поэме должное звучание:

*Иных уж нет, а те далече,
Как Саади некогда сказал [9, 173].*

Также в данном разделе автор уточняет пути проникновения литературных памятников персидско-таджикских мыслителей в русскую литературу, а также говорится о роли и значении бессмертных произведений классиков персидско-таджикской литературы – Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Носири Хусрава, Саади, Хафиза, Джами и др. в развитии русско-персидских отношений, которые веками служили мостом между народами, внося свою долю в историю мировой культуры, в художественное, философское и социальное мышление народов земли.

В разделе 1.2 «Запад и таджикско-персидская литература» говорится, что взаимодействие народов и культур является важным фактором общественного развития, так как социальное общение – это один из значимых аспектов в развитии и усовершенствовании языковых норм народов мира.

По мнению автора, переводческая литература – это та сфера, где не установлены никакие ограничения: ни религия, ни верование – ничто не может препятствовать ее развитию. В этом плане уместно отметить перевод священной книги мусульман Корана на русский язык.

Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» в издании которого принимал участие И.А. Крылов, опубликовавший притчу Джами, обратился к наследию Саади все же раньше 1796 года. В 1794 году в третьей его части был помещен большой, более тридцати страниц, раздел «Восточный моралист», который содержал восточные афоризмы и пословицы, переведенные на русский с французского языка («Избранные сказки, басни и афоризмы»).

Из двадцать второго рассказа первой главы «Гулистана» прозаю переведено двестише:

*Зери поят гар надонӣ ҳоли мур,
Ҳамчу ҳоли туст зери пои фил [11, 32].
Хочешь знать, какво муравью под твоею пятою?
Точно так, как тебе под пятою слона... [2, 16].*

В переводе сохранена высокая мораль гуманизма, глубокая нравственность текста-оригинала, и всему этому способствует авторский стиль перевода текста. Известно, что перевод художественного текста должен сохранить эстетическую ценность текста оригинала. Именно

переводчиком подобранное слово «пятою», а не «ногою» передает эстетическое воздействие текста оригинала. Данный перевод двустипшия вполне можно назвать дословным, конечно же с незначительным отклонением от оригинала. Изменяя форму текста оригинала, автор делает акцент на лаконичность и точность и вполне адекватно передает смысловую нагрузку текста.

В этом начинании следует особо отметить труды А.Н. Радищева [10], знакомство которого с восточной литературой состоялось довольно рано и началось, скорее всего, со знаменитых сказок Шахерезады.

По мнению автора, в развитии взаимосвязей России и Востока огромное значение имело введение в российских университетах персидского и арабского языков (1804), что послужило распространению сведений о быте и обычаях Востока: восточные предметы, одежда постепенно начинают входить в жизнь русского дворянства. Доказательством этого является восторженное послание Пушкина «Орлову»:

*В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов [2, 86]*

С «восточной повестью» связаны имена Н. М. Карамзина, М. Хераскова, И. Крылова, П. Львова, В. М. Протопопова, позднее – А. Бенитцкого, А. Измайлова. Ф. Глинки. Одним словом, «восточные повести» стали оружием для истинных просветителей той эпохи против произвола во власти, против «просвещенного русского монарха».

Далее, по словам автора оригинальной «восточной повестью» в русской литературе является произведение П. Богдановича «Дикий человек, смеющийся учёности и нравам нынешнего света» (1781). Также «Греческая повесть» «Каллисфен» Д.И. Фонвизина.

Развитие «восточной повести» связано и с литературным творчеством реалиста - И.А. Крылова, автора «Почты духов» и «Каиба».

В 1792 году под началом Крылова начинает издаваться журнал «Зритель», ставший достойным преемником «Почты духов», создавая небольшие по объему произведения, в которых развиваются многие идеи и темы «Почты духов». В новом журнале самым интересным произведением Крылова стала «восточная повесть» - «Каиб» (1792). Главный персонаж – выдуманный восточный правитель Каиб – тиран, уже развращенный властью и окружающей его системой лжи.

Несмотря на востребованность, переведенного на таджикский язык варианта этой повести, все же ни один переводчик не взялся за такую интересную работу. Примечательно, то, что связанные с восточными источниками десятки басен Крылова уже более ста лет переводятся на таджикский язык и плодотворно служат для взаимоузнавания народов, соответствуют нуждам воспитания.

Глава II «И. А. Крылов и таджикская классическая литература» состоит из трех разделов.

В разделе 2.1. «К вопросу изучения связи Крылова с Востоком и Западом» рассмотрены вопросы перевода басен Крылова на языки других народов.

К середине и концу XIX века в Средней Азии творческие работы Крылова в основном басни стали переводиться на местные языки, и уже к началу XX века они получили массовое распространение. К сожалению, история переводов и качества сочинений Крылова на таджикский язык в таджикском литературоведении до настоящего времени не была объектом полного исследования таджикских ученых-литературоведов.

Басни Ивана Андреевича Крылова пользуются актуальностью во все времена: и до Октябрьской революции, и в период СССР, и сегодня, когда мир окутан виртуальной паутиной Интернета. Скорее всего, высмеивая человеческие пороки в XIX веке, Крылов и не предполагал, что и в XXI они не потеряют своей актуальности. В своих баснях Крылов не осуждает пороки людей, а дает возможность читателю сделать собственные выводы и способствует выбору правильного пути.

В работе акцентируется большое внимание на переводы басен Крылова и до какой степени переводчики достигли своей цели. Тут автор особо подчеркивает, что переводческая сфера достаточно хорошо была развита в союзных республиках.

На территории постсоветского пространства первым переводчиком басен Крылова считается Аббас-Кули-Ага Бакиханов на азербайджанский язык. Далее в 1849- на армянский, а потом в 1860 на – грузинский. Так же азербайджанский переводчик Абдурагимбек Ахвердиев в 1885 свою литературную переводческую деятельность начал с перевода басни «Дуб и трость». Далее Рашидбек Эфендиев, Мирза Алекпер Сабир, Аббас Сиххат, Абдулла Шаиг. В 1880 г. свыше 60 басен Крылова перевел Гасаналиага хан Гарадагский. В переводах Гарадагского можно заметить, что он стремился передать перевод очень

близкий к оригиналу. Естественно, иногда добавляя свои умозаключения, используя народные поговорки, которые подчеркивали квантэссенцию произведений Крылова.

Благодаря переводческому наследию узбекских переводчиков А.С. Чулпана, Д. Куранова басни Крылова, Лафонтена, Эзопа широко известны узбекскому читателю. Исследования показывают, что в узбекской литературе хорошо развит жанр басни благодаря Гульхани – основателю жанра басни в узбекской литературе, который стал известен сатирическим произведением «Рассказы о Сове», но басни Крылова при этом в узбекской литературе не теряют своей популярности, и по сей день. Потому что Крылов превзошел всех баснописцев всех эпох. Только под пером Крылова жанр басни приобрел массовую известность. Гульхани в своих баснях опирался на народную мудрость, так же, как и Крылов использовал народные пословицы и поговорки. Многие его басни аналогичны к басням Крылова. Например, «Черепаша и скорпион», где говорится о поступках низких и недостойных людей, которые за добро плетут злом, неблагодарностью, аналогичен к басням «Свинья под дубом», «Два мальчика» и т.д.

Исследования показывают, что басни Крылова в XIX веке были переведены на татарский язык, такими переводчиками как Таипом Яхином, Тукаем, а также К. Насыри.

Также в работе подвергаются анализу переводы Абая, поэта-просветителя и философа казахского народа. Абай ни стремился дословно перевести басни Крылова, переводчик старался сохранить мораль басни, но прежде всего, идейную сущность текста, в то же время, перерабатывая и приспособляя заключительную часть к кочевникам казахам. Такое явление автор видит в басне «Осел». Осел, один из наиболее часто встречающихся героев басен И. А. Крылова, тоже наделен человеческим характером. Он тупой, глупый, невежественный, упрямый. И действует в басне он всегда как осел. Поручил мужик ему сторожить огород, «осел, гоняя птиц со всех ослиных ног <...> такую поднял скачку, что в огороде все примял и потоптал». Зевс сделал его больше ростом. Но все равно осел остался ослом.

Если у Крылова осел, приняв звонок, возгордился, приняв его за орден,

*(«... На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осёл: стал важничать, гордиться
(Про орден, а, конечно, он слышал) ...» [5, с. 190].*

который взобрался в огород и стал топтать и уничтожать овощи, пока его не прогнал хозяин, а у Абая осел идущий в голове каравана, возобновил себя почетным из-за того, что был нагружен золотом, а когда он донес золото до назначенного места, то стал обычным животным-ишаком. Таким образом, переводчик сохраняет идейную ценность оригинала, в то же время добавляет образы казахского менталитета.

В басне «Дуб и трость» виден вольный перевод, противопоставляя гордость и хвастовство, Абай несколько раз, обращается к Аллаху, даже в заключении еще раз упомянуты о боге как источнике жизни и смерти. Хотя в басне Крылова не говорится о боге. Скорее всего, употребление мифологического Аквилона

*(Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождем шумящий аквилон)* [5, с. 26]),

то есть чуждое слово вызывает у переводчика я такой подход. Или же переводчик обращается к богу из-за непокорности и излишнего самовеличия Дуба. Мораль в переводе Абая на взгляд автора двоякое. Сила и мочь ветра, скорее всего, сравнивается с силой всемогущего Аллаха, который вызывает людей быть покорными, ибо они из-за гордости и непокорности, могут погибнуть. Доказательством того является как дуб при сильной буре был вырван с корнем. Все же в переводе сохраняется мораль басни, и она заключается в том, что сила, и мочь, не всегда помогают стоять на ногах. На любую силу находится сила более могучее, например, обращение Абая к Аллаху, а вот гибкость и приспособление, то есть адаптация в различных ситуациях позволяют выдержать любые сложности жизни.

В данном разделе также анализируются переводы китайских поэтов-переводчиков. По мнению автора, характерной чертой начального периода восприятия русской литературы в Китае является то, что произведения зачастую переводились не с русского языка непосредственно, а с английского или японского.

Проведенный автором анализ текстов показал, что во многих случаях переводчики справились с задачей и смогли сделать адекватный перевод басен. Однако в текстах также встречаются досадные упущения переводчиков, неверно переведенные слова. Особенно встречающиеся имена собственные, что вызывают наибольшие трудности при переводе с русского на китайский язык, и в основном передаются при помощи транскрипции, т.е. исходя из того как произносит-

ся слово на русском языке. Стоит отметить, что при таком переводе читатель приходит к недоумению, имена собственные, которые носят определенный смысл на русском языке, исходя из этнических соображений, на китайском – являются сбором определенных иероглифов, которые являются именами собственными и в том числе часто используются кальки. Для передачи некоторых «особенностей» необходимо давать дополнительную экстралингвистическую информацию, чтобы читатель не терял интерес к тексту. Такие явления встречаются в басне «Чиж и еж».

Также автором уделяется почетное место иранским переводчикам как Саманэ Алипур, Ирая Мирзы, Найере Саиди, Хабиба Ягмая.

В работе так же значительное место занимают переводы басен Крылова на ведущие европейские языки таких ярких деятелей как, Дж Бауринга, В. Г. Сондерса, В. Лидса, Дж. Кокса, К. Хеннингеена Д. Лонга.

Автор работы считает, что настоящий интерес английская культура проявляет к басням Крылова во втором столетии, когда за короткое время, издается несколько книг, среди которых ярко выделяются «Басни Крылова, иллюстрирующие русскую социальную жизнь» Дж. Лонга (1869), четырехкратно переизданная книга В. Ролстона «Крылов и его басни» (1869-1883), «Оригинальные басни Крылова» Дж. Харрисона (1883), также многочисленные монографии и статьи других авторов. Немаловажную роль имеют переводы английского переводчика В Рольстона, которые занимают особое место среди переведенных басен, которые сыграли важную роль в развитии русско-английских культурных отношений XIX в.

Раздел 2.2. «Исследование творчества И. А. Крылова в таджикском литературоведении» посвящен исследованию истории басен Крылова и их переводов на таджикский язык.

Таджикское литературоведение прошло большой путь длиной в несколько тысячелетий. Оно рассматривает и изучает литературные произведения, которые были созданы величайшими мыслителями Востока и Запада, сыгравшие бесценную роль в культурном развитии человеческой цивилизации.

Первые басни И.А. Крылова были переведены таджикскими просветителями Абдукадыром Шакури, С. Аджзи и А. Хамди, но, к сожалению, не все они дошли до нас. Часть из них используется как учебное пособие учащимся средней степени образования, в книге Абдука-

дыра Шукури «Джомеъул хикоёт» («Сборник рассказов»), которая была опубликована в 1909 - 1911 гг.

Следует отметить, что интерес таджикских современных переводчиков и литературоведов к творчеству И.А. Крылова возрос в первой половине XX века, и его басенным творчеством серьезно заинтересовались такие переводчики, как Х. Шодикулов, Х. Рахмат, Дж. Сухайли, М. Аминзода, А. Дехоти, М. Миршакар, К. Улугзаде, Б. Фируз.

Первое издание басен на таджикском языке выпущено под названием: И.А. Крылов «Масалҳои мунтахаб» [3]. в 1944 г., в 1977 году издан второй сборник басен И.А. Крылова «Маймун ва айнак» [7] (48 страниц). В 1986 году был выпущен третий сборник басен Крылова – «Масалҳо» [8], где было опубликовано 28 переведенных басен на 30 страницах, затем в 1999 году – четвертый, самый плодотворный сборник переводов басен Крылова на таджикский язык под названием «Харгӯши сайёҳ» [6]. на 70 страницах Хикматом Рахматом, куда вошли 49 басен И.А. Крылова.

Данные сборники в основном были рассчитаны для учеников средних школ и сыграли важную роль в ознакомительном процессе с баснями поэта и в пропаганде русской культуры в таджикском литературном мире подрастающего поколения.

В данном разделе автор анализируя устанавливает, что в текстах басен Крылова действуют аллегорические образы 79 животных, которые олицетворяют пороки людей в обществе, а в переведенных на таджикский язык баснях упоминаются аллегорические образы 48 животных. Процентное соотношение переводов с русского языка на таджикский составляет около 40 %.

Исследуя творчество Крылова автор делает выводы, что творчество И. А. Крылова тесно связано с опытом Древней Греции, наставлениями «Калили и Димны», то есть Индией и Персией, Эзопом и Лафонтеном, Лукмони Хахимом.

Крылов в течение 60 лет сочинял басни. Свои первые басни он написал в 1783 году, а последние в 1843. До того, как он начал писать басни, у него появился большой интерес к творчеству Лафонтена. В 1807 году Крылов перевел несколько басен Лафонтена и напечатал их в журнале «Московский зритель». А в свою очередь лафонтеновские басни впервые были изданы в 1668 году под названием «Басни Эзопа». Большинство своих сюжетов Лафонтен заимствовал у Эзопа, но изложил их на изящном французском языке, кроме этого он заключил

их в стихотворную форму (до него басни писались в прозе, в том числе и басни Эзопа). Эзоп считается основателем этого жанра, но И.А.Крылов довел его до совершенства.

Тут автор уместно упоминает о «Бродячем сюжете», т.е. о совпадении сюжетов басен. Соответственно возникает вопрос: в чем причина их совпадения? По мнению автора, во-первых данное явление связано с развитием торговых отношений, путешествий по миру, личных связей сюжет перекочевал из города в город, из страны в страну, из века в век; во-вторых жизнь людей от природы очень похожа: проблемы, ситуации, возникающие в процессе жизни, повторяются.

Многие баснописцы пытались превзойти Крылова, но лишь в очень слабой степени смогли удовлетворить требования данного жанра. Именно язык - самая характерная черта таланта Крылова. Следовательно, Эзоп, Ж. Лафонтен, И.А. Крылов – это три великие вехи в развитии этого жанра.

Автор отмечает, что не трудно заметить большинство сюжетов басен Крылова имеют восточную основу, и более важно они близки к таджикским восточным сюжетам. Например аллегорический образ осла часто употребляется в баснях Крылова, или же в притчах русской литературы, который характерен восточным сюжетам или же употребление слов-реалий.

Прошло достаточно времени с того дня, как басни Крылова стали любимыми для таджикского народа. За это время из 236 его басен переведено всего 88, 49 из которых принадлежат перу Х. Рахмата, 15 - А. Дехоти. 12- Дж. Сухайли и К. Улугзаде, 2- Б. Фируза, 2- Б. Сируса, 4- М. Миршакар, 4 - М. Аминзода.

Кроме того, в данном разделе подробно анализированы уроки русского языка и литературы в средних общеобразовательных школах №56 и №78 г. Душанбе. Анализированные уроки данных школ показывают, что творчество писателя с большим интересом воспринимается учащимися.

В данных средних школах Таджикистана ученики с первого класса знакомятся с баснями Крылова.

Автор работы, подводя итоги, приходит к выводу, что очень мало часов отводятся на уроки русского языка и литературы в средних школах Таджикистана, которые не могут отвечать современным требованиям системы образования и особенно умственного развития подрастающего поколения.

Автор особо подчеркивает, что также в вузах Таджикистана на уроках самостоятельной работы преподавателя со студентом, для развития устной речи, введены басни Крылова и их аналоги в таджикском литературоведении.

Раздел 2.3. «Особенности перевода произведений И. А. Крылова на таджикский язык» посвящен особенностям перевода басен И. А. Крылова на таджикский язык. В данном разделе автор пытается исследовать и подвергать анализу переводов басен Крылова таджикскими поэтами-переводчиками.

Диссертант, сравнивая их и анализируя, раскрывает особенность перевода басен Крылова на таджикский язык и тонкость текстов поэта и о том, до какой степени при переводе таджикские переводчики достигли своей цели. В данной главе соискатель основной упор делает на те басни, которые до сих пор не были изучены или их перевод был не совсем удачным или же переводы оказались удачными. Отдельные абзацы посвящены анализу метрики басен Крылова и переведенным текстам.

В данном разделе автором определяется как достижения, так и определенные упущения таджикских переводчиков.

В процессе перевода басен Крылова на таджикский язык был проведён сравнительный анализ нескольких переведенных текстов.

К примеру, автором взята басня «Кукушка и Петух»

*«За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку»* [4, 37].

В переводе М.Миршакара эти строки звучат следующим образом:

*«Аз чи куку хурусро таъриф мекунад?
Чунки уро хурус хам таъриф мекунад»* [7, 65].

Следует отметить, что данный художественный перевод осуществлен довольно искусно. В нем сохранены ясность мысли и простота изложения, характерная для творений И. Крылова, которые делают его басни доступными восприятию читателя. Поэт-переводчик сумел передать все тонкости произведения, однако такая важная деталь, как «не боясь греха», видимо, не поддалась перу переводчика, то есть он не смог найти ей эквивалент в таджикском языке.

В следующем отрывке из перевода А. Дехоти «*Ду бочка*» («*Две бочки*») употреблён доступный литературный язык с малым использованием непереуведенных русских слов:

*«Равон буданд ду бочка: аз онхо
Яке холи, дигар пур буд зи вино»* [7, 12].

Сравним:

*«Две бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая»* [5, 141].

По мнению автора, перевод, осуществлённый А. Дехоти, представляется неудачным, потому что она ближе к дословному переводу. Здесь было бы удачнее, если бы перевод был смысловым. Кроме того, переводчик почему-то не решился вместо слова «вино» использовать, совершенно адекватное по смыслу и содержанию таджикское слово «май».

Нужно отметить, что басня Крылова «Две Бочки» – верх совершенства басенного жанра. Вероятно, тут поэт-переводчик сохранил текст с оттенками оригинала, таким образом подчёркивая совершенство басни.

Другая версия – это влияние советского периода, когда переводчик никакого внимания не обращает на иноязычные слова, когда в то же время некоторые русские слова свободно употреблялись в таджикской речи.

Возможно, это связано с тем, что тогда русский язык был общим государственным языком в союзных республиках. Это касается слова «бочка», которое осталось непереуведенным, хотя в таджикском языке существует весьма адекватное слово «чалак» [1, 73].

Есть еще другая версия, вместо слова, «бочка» переводчик свободно мог бы употребить слово «хум», потому что и то, и другое является сосудом для жидкостей.

С учётом сказанного автором предлагается совершенно другой вариант художественного перевода этой части. Переводчику следовало бы также придерживаться форме оригинала и передать текст совершенно без окраски:

*«Равон буданд ду чалак:
Яке бо маю, дигаре холи»* (перевод Г.М.).

Такую же тождественность можно заметить у вышеуказанного автора в басне «Бочка». Непереведенными остались слова «бочка» и «вино».

Или же в басне «Квартет», слово – «музыка» (*музыка*), название басни «Музыканты» у М. Аминзода переводится, как «Музыкачиён». Причем автор, отказываясь от буквы «ы», свободно употребляет русские слова, адаптируя их таджикскому языку, хотя в русско-таджикском словаре слово «музыка» переведено, как «мусики» [1, 501].

В защиту автора можно сказать, что он старался сохранить простой русский климат, во-первых, а во-вторых, тогда, точнее в 80-е годы, когда был издан сборник, из-за статуса русского языка он не придал непереведенным словам особого значения.

Автор работы считает, что данные переводы считаются неудачными, потому что такого рода переведенные тексты искажают и родной язык, и текста-оригинала.

В ходе анализа наблюдается отхождение от точного перевода.

Автор особо отмечает, что мир басен Крылова уникален и своеобразен. В баснях все названия действующих животных начинаются с заглавной буквы, но в переведенных текстах к сожалению данный авторский принцип не был полностью соблюден, хотя это подчеркивает особенность басен автора.

По мнению автора, не менее важным является метрический анализ переведенных басен И.А. Крылова на таджикский язык.

А. Дехоти, обладая опытом, мастерски перевел басни И.А. Крылова, используя наиболее употребительный стихотворный размер – аруз, благодаря которому переводы у него получились удачными, самое главное, он смог верно передать идею текста-оригинала.

Приведем сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и некоторых переведенных на таджикский язык басен. Например, басня «Крестьянин и Змея».

Одна змея, приползая к крестьянину, сказала:

Я-ке- мо-ре/ су-и- дех-қон/ ха-зи-да о/ма-ду- гуф-то:
(мафойлун/мафойлун/ мафойлун/мафойлун/)

Би-ё,- хам-со-/я! Бо- хам- ду/с-то-на зин/да-гй –со-зем.
(мафойлун/мафойлун/ мафойлун/мафойлун/) [8, 14].

В этом художественном тексте вместо мусамман, то есть четырёхразового повторения мафoъйлунa в одной строке, используется мусаммам, то есть восьмиразовое повторение мафoъйлунa в одной строфе, и в одной только строке четыре раза используется мафoъйлун.

Следующая басня – «Петух и Жемчужина» («Хурус ва Дурдона»), А. Дехоти перевел в размере Хазач: она рифмуется, как газель. Вначале использован размер Хазач мусаддаси мақсур. В размере Хазачи мусаммани мусаббағ, то есть когда последний слог каждой строки является ударным, он составляет полтора слога.

*Ху-ру-се аз/ да-ру-ни по/-ру-ву хок
(мафoъйлун/мафoъйлун/ фаўлун)*

*Я-ке дур-до-/на пай-до кар-/ду гуф-то
(мафoъйлун/мафoъйлун/ фаўлун)*

*Чи ло-зим аз/ ба-ро-и аҳ-/ли дунъ-ё
(мафoъйлун/мафoъйлун/фаўлун)*

*Чу-нин бе-ҳу-/да як чи-зи/ чи-ло-нок?
(мафoъйлун/мафoъйлун/фаўлун)*

*А-зи-заиш кар-/дан оё бе ах/ма-қи не?
(мафoъйлун/мафoъйлун/ фаўлун)*

*Ба ман як до-/на чав сад бо-/р а-з ин беҳ
(мафoъйлун/мафoъйлун/фаўлун)*

*Ки чав гар-чан/-д чун дур(р) нес/-т раҳ-шон,
(мафoъйлун/мафoъйлун/фаўлун)*

*Ху-ро-ки се/-ри ас-ту қув/-ва-ти чон!
(мафoъйлун/мафoъйлун/фаўлун)*

*Ҳа-ме-ша ҳук/-ми ҷо-ҳил-ҳо/ ҳа-ми-н ас-ту/ чу-нин бу-даст,
(мафoъйлун/мафoъйлун/ мафoъйлун/мафoъйлун)*

*Ки ҳар як чи/-зи но-фаҳ-ми/-да-ге-шон ту/-чу бе-ҳу-даст.
(мафoъйлун/мафoъйлун/ мафoъйлун/мафoъйлун) [8, 19].*

Басня «Лебедь, Щука и Рак» («Ку, Мохи ва Харчанг») переведена в размере Хазачи мусаддаси мақсур в рифме маснавӣ, то есть аа, бб, вв:

*Чу со-зиш нес/-т дар бай-ни/ ра-фи-қон,
(мафoъйлун/мафoъйлун/ мафoъил)*

*На-ё-бад- ко/ри о-нон ҳе/-ч со-мон
(мафoъйлун/мафoъйлун/ мафoъил)*

*Шавад балки аз он кулфат фаровон
(мафoъйлун/мафoъйлун/ мафoъил)* [8, 8].

В басне «Волк и Лисица» М. Аминзаде применен размер Рамали мусаддаси махзуф рифма в форме аб, вб, гб:

*Он чи худ на/-до-рад бар /мо на-до-рад/ ло-зи-ми ?
(фоъилотун/ фоъилотун/фоъилотун/ фоъилун/)*

*Ро-ги-бан бах/-ше-м мо ба/- ди-га-рон
(фоъилотун/ фоъилотун/ фоъилун/)*

*Ин ҳа-қи-қат/-ро, ки ним-пӯ/-ши-да аст,
(фоъилотун/ фоъилотун/ фоъилун/)*

*Со-за-д ин аф/-со-на рав-шан/тар ба-ён
(фоилотун/ фоилотун/ фоилун/)* [7, 24].

Кажется, что в некоторых баснях переводчик (Х. Рахмат) выходит из рамок арӯза, так как в диалоге в одной строке только одно слово. Но это слово является тем же элементом (рукн) того же размера. В размере Хазачи мусаммани мусаббағ, то есть последний слог каждой строки состоит из полутора слога. К примеру басня «Кукушка и Петух» («Куку ва хурус»):

*А-чаб наг-зу/-а-чаб фо-рам,/ ху-рӯ-сак-қон,/ са-до-и ту,
(мафoъйлун/ мафoъйлун/ мафoъйлун/ мафoъйлун/)*

*Шу-нав, ку-ку,/ са-рам бо-до/ фи-до-и ту,
(мафoъйлун/ мафoъйлун/ мафoъйлун/)*

*Ки дар ин бе/-ша-зо-рон ху/-бу бе-ҳам-тост
(мафӯъилун/ мафӯъилун/ мафӯъилон/)*

*Са-до-и ту,/ на-во-и ту,
(мафӯъилун/ мафӯъилун/) [7, 26].*

Хочется отметить, что в этих переводах басен перевод отмечается своей гармоничностью по форме и содержанию, то есть нововведения поэта в размере ару́з очень кстати, или четки и вполне соответствуют содержанию произведения. Наиболее употребляемые размеры стихосложения таджикского ару́за, как Хазач, Рамал, Рачаз, Муттақориб, Ҳафиф, использованы поэтами при переводе басен.

В заключение работы излагаются основополагающие выводы:

1. Русско-таджикские дипломатические, торгово-экономические и культурные связи имеют исторически сложившиеся данные и насчитывают несколько тысячелетий.
2. Во второй половине XVIII века в России возрос поток переводов восточных оригиналов на русский язык, потому как начала подерживаться властями переводческая сфера.
3. Несомненно, Крылов был знаком с восточной культурой и литературой, ему были знакомы исторические и культурные события, книги и статьи, где упоминались поэты Востока, и доказательством этого являются его журнальная деятельность в «Почте духов».
4. Перевод – это универсальное средство расширения культурного мировоззрения народов, а переводчики служат мостом между национальными культурами.
5. Таджикская версия переводов басен И. А. Крылова сыграли значимую роль в развитии переводческой сферы в таджикском литературоведении изучаемого периода и параллельно способствовали обогащению таджикского языка.
6. В республике Таджикистан в связи с интенсивным оттоком русскоязычного населения после гражданской войны, с сокращением объема часов по русскому языку и литературе в программах средних общеобразовательных школ, с нехваткой преподавателей, отсутствием возможности полноценного и постоянного общения на русском языке (особенно в сельской местности), знание русского языка, как разговорного, так и письменного, среди

подрастающего поколения и лиц школьного возраста, заметно понизилось.

7. Переводы басен Крылова сыграли важную роль в развитии литературных связей;
8. Интерес таджикских современных переводчиков и литературоведов к творчеству И.А. Крылова возрос в первой половине XX века, и его басенным творчеством серьезно заинтересовались такие переводчики, как Х. Шодикулов, Х. Рахмат, Дж. Сухайли, М. Аминзода, А. Дехоти, М. Миршакар, К. Улугзода, Б. Фируз;
9. Переводы басен ИА. Крылова на таджикский язык в основном можно считать удачными. Переводчики при работе над текстом руководствовались двумя принципами, а именно: максимальное приближение к тексту-оригиналу и точная передача содержания произведения;
10. При работе над переводом произведений И. Крылова на таджикский язык переводчики не только старались добиваться точного соответствия с текстом-оригиналом, но и стремились передавать национальные особенности содержания басен, своеобразие национальной культуры, тонкости языка, на котором создавались басни;
11. Басни И. Крылова обогатили нашу речь множествами фразеологическими оборотами;
12. В переведенных на таджикский язык баснях упоминаются аллегорические образы 48 животных (у Крылова – 79). Процентное соотношение переводов с русского языка на таджикский составляет около 40 %;
13. Образы зверей, созданные И. А. Крыловым, способны раскрыть человеческие пороки в обществе, и олицетворяют представителей определенных слоев общества. Например, царь зверей - Лев – король, правитель; Змея – мудрая, всегда поступит обдуманно – помощник короля, его советник, но всегда работает в свою пользу; Волк – палач - жестокий, безжалостный, Лиса – хитрая, коварная, – единомышленники, приближенные царя; Обезьяна, – придворный шут; Ослы, Овцы, Мыши, Ягнята, Лягушки, Муравьи – обычные люди, средний и низкий слои общества;
14. Таджикские переводчики при переводе басен И.А. Крылова использовали наиболее употребляемые размеры стихосложения таджикского ару́за, как Хазаҷ, Рамал, Рачаз, Муттакориб, Хафиф,

благодаря которому переводы получились удачными. Различные формы рифмы в основном использованы в форме китъа, газели, маснави;

15. На наш взгляд, улучшить качество перевода с одного языка на другой, необходимо восстановить литературные связи и лучшие традиции переводческой практики на всём постсоветском пространстве;

Мы считаем, что поставленные цели данной диссертации достигнутыми, данная тема может послужить началом более крупного исследования в рамках литературоведения. Выводы, сделанные в ходе работы, могут быть основой для конкретных практических переводческих решений.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора в журналах из списка, рекомендованных ВАК РФ:

1. Муллоев, Ш.Б., Галимова, М.Б. Особенности перевода басен Крылова на таджикский язык // М.Б. Галимова / Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). №4/5. - Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2017.- С. 103-107.

2. Галимова, М.Б. Отражение просветительских идей в восточных повестях И.А. Крылова // М.Б. Галимова / Вестник Таджикского государственного Педагогического университета имени С. Айни (научный журнал). №1 (73). Душанбе: 2018.- С. 196-201.

3. Галимова, М.Б. Роль и место творчества И. А. Крылова в таджикском литературоведении // М.Б. Галимова / Вестник Таджикского государственного Педагогического университета имени С. Айни.- (научный журнал). № 3 (80) - Душанбе: 2019.- С. 138-142.

4. Галимова, М.Б. Восточная литература и эпоха величественно-взаимопроникновения русской и таджикской литератур // М.Б. Галимова / Вестник Таджикского государственного Педагогического университета имени С. Айни (научный журнал). № 4 (81). - Душанбе: 2019.- С. 160-164.

5. Галимов, М.Б. Метрический анализ переведенных басен И.А. Крылова на таджикский язык. // М.Б. Галимова / Вестник Таджикского государственного Педагогического университета имени С. Айни (научный журнал). Душанбе: 2020.- № 4 (87). - С. 130-135.

6. **Галимова, М.Б.** Эпоха величественного взаимопроникновения русской и таджикской литератур // Научно-практическая конференция. Межлитературные связи и взаимопроникновение культур // Узбекистан. Термез: 2019. - С. 58-62.

Использованная литература:

1. Арзуманов, С.Д. Русско-таджикский словарь [Текст]: Свыше 72000 слов / С.Д. Арзуманов, Х.А. Ахрори, М. Бегбуди и др.; Под. ред. М.С. Асимова. - М.: Рус. яз., 1985. – 1280 с.

2. Гейзер А.Р. Первые встречи. (Русская литература XVIII века и Восток. Источники. «Посредники». Новые факты). / А.Р. Гейзер. Берлин - Худжанд, 1998. - 48 с.

3. Крылов И.А. Масалхои мунтахаб {матн}/И.А.Крылов.- Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1944. – 67 с.

4. Крылов, И.А. Басни // Иван Андреевич Крылов. Москва: 2017. - 76 с.

5. Крылов, И.А. Басни. Драматургия / Вст. статья Н.Степанова; Гравюры А.П. Сапожникова. - М.: Правда, 1982. - 416 с.

6. Крылов, И. А. Харғуши сайёд. (Перевод с русского Х.Рахмата). Нашриёти «Афсона», Душанбе. 1999. - 70 с.

7. Крылов, И.А. Маймун ва айнак. - «Маориф»-1977. - 47 с.

8. Крылов, И.А. Масалхо. [Текст] / Мухаррир Х, Неъматов / И.А. Крылов. – Душанбе: Маориф, 1986. – 30 с.

9. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. 2-е издание., стереотип [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Дрофа, 2003. – 240 с.

10. Радищев, А.Н. Полное собрание сочинений / А.Н. Радищев. В трех томах. Т I-М.-Л.: Изд. АН СССР, 1938.

11. Саъдии Шерозӣ. Гулистон. – Душанбе: Маориф ва фаръанг, 2008. -231 с.

Подписано в печать __.01.2021. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Tj.
Усл. печ. л. __,__. Тираж _00 экз. Заказ №__.

ООО “ЭР-граф”.
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com